

УДК 94(470) «19»

Н.Г. Самарина

КОЧЕВОЕ СКОТОВОДСТВО И ОСЕДЛОСТЬ ТУВИНЦЕВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Описывается процесс седентаризации тувинцев, обращается внимание на прочность кочевых традиций среди тувинцев, прослеживается роль русских поселений и модернизации сельского хозяйства на оседлость. Приводится сравнение с соседними национальными регионами (Бурятия, Хакасия), утверждается, что кочевое скотоводство на территории Тувы в советский период не исчезло и после распада СССР произошла номадизация образа жизни скотоводов.

Ключевые слова: кочевое скотоводство, оседлость, седентаризация, Тува.

Тува, как известно, была испокон веков регионом, где ведущую роль играло кочевое скотоводство в его традиционной форме, с соответственно приспособленным укладом жизни населения. Ландшафты степного пояса представляли собой природно-антропогенные комплексы, сформировавшиеся в результате культурного преобразования пространства кочевыми народами. В Туве же этому в еще большей степени способствовали природно-климатические условия региона: очень засушливый климат, сравнительно небольшое количество осадков.

Большая часть территории Тувы – это степная зона с бедной растительностью. Все, начиная от домашней утвари, одежды и, конечно же, жилище (юрта), было приспособлено под кочевой образ жизни. На сравнительно небольшой территории Тувы (170,5 тыс. кв. м) здесь исторически сложились три хозяйственно-культурных типа: кочевые скотоводы горностепной зоны (95%), кочевые и полукочевые скотоводы горно-таежной зоны (2%), охотники-оленоводы таежной зоны (3%). Тувинцы сложились в один народ с общей территорией, культурой, языком.

Оседлость предполагает проживание человека, семьи, рода на одном определенном месте. Часто с оседлостью связывают занятие земледелием, что, конечно же, привязывает человека к определенному месту, к земле. Тувинцы занимались земледелием еще до прихода советской власти в районе Улуг-Хемской долины, о чем свидетельствуют найденные археологами оросительные каналы, но это никогда не было их основной деятельностью, и, как правило, этим занимались только определенные члены семьи. Выращивали просо, ячмень в небольших количествах. В летний период семьи оставались в этих местах. Это можно определить как полуоседлый образ жизни. Стоит подчеркнуть,

что данная форма ведения хозяйства была распространена среди тувинцев.

Кочевое скотоводство стало трансформироваться после образования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), когда были начаты попытки провести коллективизацию в сельском хозяйстве с целью перевести кочевников на оседлость. В Туве с 1927 по 1944 г. создавались простейшие объединения, так называемые товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), товарищества по улучшению животноводства (ТУЖи) и Товарищества по общественному развитию животноводства и земледелия (ТОЖЗЕМы) [1. С. 250].

По сути дела, это были формальные структуры, поскольку объединялись члены нескольких кочевых общин – аалов. В ТОЗах общими считались рабочий скот, в ТУЖах – сельхозинвентарь, в ТОЖЗЕМах – и то и другое, однако весь скот оставался в частной собственности кочевников-чабанов. По этой причине вышеназванные объединения не могли быть полноценными коллективными хозяйствами. Для перевода тувинских аратов на оседлость принимались различные меры на государственном уровне: строились стационарные помещения, жилые дома, школы, больницы, дома культуры и т.д. Несмотря на принимаемые меры, в момент вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) коллективными объединениями было охвачено только 19% тувинцев-кочевников. Немаловажную роль в процессе седентаризации имели все более тесные торговые отношения, которые складывались между тувинцами и русскими. Активизация процессов сельского хозяйства пришлась на 1949–1953 гг. Считается, что к 1953 г. процесс седентаризации был завершен – бывшие кочевники стали членами колхозов и совхозов, большая часть – оседлым населением, пополнив ряды рабочих колхозов и совхозов.

* Статья выполнена при финансовой помощи РФФИ по программе мобильность молодых ученых по теме: «Полуоседлые и оседлые формы хозяйства Тувы».

С приходом советской власти в Туву многое изменилось. Советская власть активно действовала среди коренного населения, стремительно переселяя тувинцев в новую, совершенно чуждую им обстановку. Сам процесс оседания трактовался ими как естественное следствие прогрессивной эволюции тувинского кочевого общества. Среди советского руководства бытовало мнение, что необходимо строить рубленые дома барачного типа на несколько семей, в целях создания коллективного хозяйства. Тувинцы долго не могли привыкнуть к оседлой жизни. И вплоть до середины XX в. многие чабаны оставались жить в юртах, особенно в наиболее отдаленных от центра районах, противясь советской власти. Тувинцы так и не смогли полностью отказаться от традиционного кочевого образа ведения хозяйства. Хотя, надо признать, коллективное колхозно-совхозное производство оказалось более продуктивным. С процессом индустриализации и модернизации сельского хозяйства происходила ломка образа жизни, но не стереотипов. Часто народ противился инновациям, причинами чего называли конфликт между тувинцами и русскоязычным населением.

До настоящего времени продолжается дискуссия и по вопросу: были ли у номад перспективы дальнейшего развития либо это тупиковый способ производства. Так, С.А. Плетнева выделила три стадии эволюции кочевой цивилизации, причем «третья стадия кочевания – оседлость» [2. С. 61]. Эта позиция была поддержана многими историками и этнографами. По мнению Г.Е. Маркова, хозяйство и социальная структура номадизма являлись тупиковым вариантом социальной эволюции, нарушение же традиционного экстенсивного скотоводства, патриархально-племенных отношений приводило лишь к тому, что кочевники-скотоводы, лишавшиеся средств существования, переходили к оседлости, а кочевое общество распадалось. При этом бывшие кочевники вовлекались в систему классовых отношений в государстве [3. С. 288–290]. На современном этапе истории, особенно в национальных регионах, придерживаются мнения, что кочевая цивилизация не исчерпала себя, и данный тип хозяйства необходимо сохранять, поддерживать, консервировать, включать как составную часть в политические и социально-экономические структуры.

При изучении образа жизни сельского населения необходимо охарактеризовать совокупность объективных и субъективных факторов его жизненной активности, структурных элементов. Теоретическое осмысление седентаризации может быть реализовано путем комбинации двух подхо-

дов: понимания изнутри (например, логика традиционной культуры) и объяснения через сравнение с образом жизни других субъектов в рассматриваемый период или с образом жизни и культурой современного, модернизированного общества. Существует теория модернизации традиционного общества (А.Г. Вишневский, Б.Н. Миронов и др.) [4. С. 460]. Она трактует важнейшие процессы и события XX в. как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, знаменующий переход от традиционного (кочевого) к современному (индустриальному) обществу. Согласно этой теории, кочевая система хозяйства сначала уступила полукочевой. Со временем оно приобрело отгонный характер. Смена образа жизни сопровождалась переходом населения к оседлости. Однако это не значит, что произошла полная смена уклада жизни. Даже в середине XX в. сохранились выезды отдельных хозяйств на летовки. Одновременно продолжали существовать разнотипные элементы культуры, в том числе кочевых и оседлых поселений.

Переезд русских крестьян еще со времен столыпинской реформы на тувинскую землю частично сужал места кочевков тувинцев. Получается, что тувинцы теряли сначала часть земли, а затем и вся земля постепенно стала собственностью государства. А раз государство владело основным средством труда – землей, оно и распоряжалось всеми процессами, и кочевники были отчуждены от земли. Русские же повсеместно образовывали села, города. Для многих тувинцев все было в новинку. Когда начали строить школы, медицинские пункты, дома культуры, многие тувинцы увидели больше перспектив в оседлости и стали перебираться в образовавшиеся населенные пункты, быстро впитывая культуру русских. Эта часть тувинцев получала образование, жилье, новый быт. Однако стоит отметить, что кочевой образ жизни не прекратил своего существования. Тувинцы не целыми семьями переселялись в села, старшее поколение оставалось жить в юртах. Часто это была необходимость хоть как-то выжить в тяжелых условиях. И даже когда повсеместно шло ограничение на содержание личного хозяйства, тувинцы не прекращали ведение его и зачастую скрывали от властей истинное количество скота у себя на подворье.

Кочевое скотоводство в Туве не перестало существовать в 1950-х гг. Факты свидетельствуют, что и при колхозах и совхозах работали чабаны. Совхозные чабанские стоянки это, конечно же, не совсем традиционный кочевой образ жизни тувинцев. В основном это были летние перекочевки,

тем не менее с их существованием связано сохранение основ и опыта кочевого скотоводства. В конце 1970-х гг., когда снимались ограничения на ведение личного подсобного хозяйства, в каждой крупной семейной общине была чабанская стоянка, которая выращивала скот, и всегда, как это принято в традиционном обществе, шла взаимопомощь, в частности, по схеме село – город – село. В 1980-е гг. государство стало активно поддерживать и поощрять рост количества скота, содержащегося в личных хозяйствах. Связано это было с дефицитом продуктов животноводства (мясо, молоко) из-за очень слабой кормовой базы в регионе. И, конечно же, на этом этапе вновь начинается возрождение кочевого скотоводства. При этом государство учитывало потребности чабанов, постоянно проводился медицинский осмотр чабанских семей, ветеринарные выездные обследования скота, электрификация чабанских стоянок, устраивались ярмарки продовольственных товаров по районам и селам, где чабаны могли приобрести необходимые им товары, и так далее. Нередки были социалистические соревнования, награждение лучших чабанов. Все это свидетельствует о том, что советская власть в 1980-е гг. нисколько не противилась традиционному кочевому скотоводству, уже наблюдалась обратная тенденция – его поощрения.

Происходила трансформация структуры социальных отношений среди тувинцев. При переходе к оседлости решающим фактором в социальной структуре стало образование. Вплоть до 1980-х гг. у тувинцев среди всех сельскохозяйственных профессий преобладала профессия чабана, которую получали в средних специальных учебных заведениях Тувы. Причем в группе занятых умственным трудом были ориентации на традиционные профессии – медик, учитель, воспитатель. По сравнению с соседними регионами среди коренного населения низок был уровень специалистов с высшим образованием.

В Туве на протяжении XX в. активно шли миграционные процессы, причем стоит отметить, что сюда приезжали русские, которые, как правило, и были основателями сел и деревень республики. Уже к середине XX в. русское население большей частью жило в городах и районных центрах. В Туве в это время активно шла модернизация сельского производства и индустриализация, и коренное население активно стало внедряться в эти процессы, приобретая новые профессии, работу, опыт. При этом основная часть коренного населения оставалась жить на селе. Если сравнить динамику сельского населения Тувы в 1959–1987 гг. с со-

седними регионами Хакасией и Бурятией, можно сделать вывод, что Тува в меньшей степени подвергалась процессу миграции населения из села в город, и к концу 1980-х гг. большая часть населения (54%) были сельскими жителями. В Хакасии 27%, в Бурятии 37% сельского населения от общего количества жителей. В этот же период удельный вес коренного населения от всего населения автономии среди тувинцев составлял в среднем 60%, в то время как в Хакасии – 11%, в Бурятии – 36%. Тувинцы как никакой другой народ обнаруживают исключительную привязанность к своей территории, согласно переписи 1979 г., 97,7% тувинцев проживали в Туве, а в современный период до 90% коренного населения остаются жить в республике. Коренное население Тувы обладает низкой миграционной подвижностью за пределы региона. В 1979–1987 гг. прирост сельского населения из всех сибирских национальных регионов наблюдался только в Туве, хотя темпы его снижались. Коренное население оставалось преимущественно сельским. В сельской местности проживало алтайцев 92,3%, хакасов 82%, бурят 76,5%, тувинцев 84,1%. В отличие от бурят, которые еще в XIX в. повсеместно вели полуседлый образ жизни, часть жили в домах, часть в юртах, хакасов, которые не только стали оседлыми, но и многие приняли христианство, тувинцы, как никакой другой народ Сибири, остаются приверженными своему образу жизни [6. С. 380–416].

В течение 1960–1990-х гг. численность тувинского населения увеличилась практически в 2 раза, в то же время доля русского населения сократилась в 1,4 раза. Это было обусловлено тем, что еще в 1980-е гг. начался миграционный поток русского населения из республики, сначала уезжали из сел Тувы, потом из самого региона. Связан этот поток русского населения с неудовлетворительными условиями жизни, особенно слабой обеспеченностью села, отсутствием перспектив. А с развалом совхозной системы у тувинцев все с большей силой начинается возрождение традиционного типа хозяйства – кочевого скотоводства.

С началом модернизации кочевники оказались неспособными конкурировать с индустриальной экономикой. Кочевники стали вовлекаться в модернизационные процессы в качестве подчиненной стороны. В результате стало меняться кочевое хозяйство, деформировалась общественная организация, начались болезненные аккультурационные процессы. В XX в. в социалистических странах были сделаны попытки провести насильственную коллективизацию и седентеризацию, у кото-

рых имеются и негативные последствия, такие как частичная утрата культурных ценностей. После распада социалистической системы во многих регионах бывшего СССР произошла номадизация образа жизни скотоводов, возврат к полунатуральным методам ведения хозяйства. В 1990-е гг. с внедрением рыночной экономики процессы адаптации кочевников также происходили очень болезненно, сопровождаясь разорением скотоводов, эрозией пастбищ, ростом безработицы и нищеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шойзу С.К. Урянхай: Тыва дептр: Антология научной и просветительской мысли о древности тувинской земле и ее населениях (II тыс. до н.э. – перв. пол. XX в.): 7 т. М.: Слово, 2008.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
3. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 316 с.
4. Миронов М.Б. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1–2; и др.
5. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг. М.: Новое изд-во, 2006. 599 с.
6. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. 493 с.